

Эксперт - В.А. Бианки, член правления Российской ассоциации политических консультантов, член Комитета по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью, руководитель консалтинговой компании «Бианки и партнёры»

Пожалуйста, опишите ключевые тенденции в политической жизни в мировом масштабе.

Первое. Уже несколько десятков лет есть тренд к снижению доверия политическим демократическим институтам. Западная система держится на них, и поэтому этот кризис меняет в целом баланс сил в мире. А страна, изображающая из себя витрину демократии, последними кампаниями только принципиально усугубила этот вопрос, начиная со знаменитого пересчета 2000-го года на президентских выборах в США, когда проблема модели была высвечена. Я имею в виду, что голоса выборщиков определяют победу, а не голоса избирателей. И, конечно же, два последних цикла выборов, когда консолидированная, практически тотальная поддержка СМИ одного кандидата показала дичайшие изъяны системы.

Итак, первый тренд – это просто снижение доверия. Он связан со вторым, более глубоким. С тем, что некоторые политологи любят называть либеральным консенсусом, который, на мой вкус, очень напоминает логику раннего Советского Союза: мы знаем, «как правильно», мы придумали, «как правильно», мы заставим людей жить, «как правильно». Но люди гораздо более инертны, чем представляют или хотят представлять элиты, и, соответственно, они сильно сопротивляются этому давлению. На чем сыграл Трамп и на чем уже в мировом масштабе играет Владимир Путин.

А в основе второго пункта лежит третий пункт: это дичайшее расслоение по доходам, и стран, и людей. И оно только нарастает. Ситуация с коронавирусом только подчеркивает эту историю. Совокупная капитализация выросла принципиально, хотя объективно вроде бы дикий кризис, торможение экономики из-за локдауна, совершенно непонятно, каким образом экономический сектор может расти при вроде как полном замирании всех процессов в мире.

И четвертый фактор, немножко в сторону от этой цепочки. Я про Интернет, «голос каждого может быть услышан», социальные сети. Этот отказ от монополии СМИ, которая длится 20 лет. Каждый в социальной сети может взять и написать что угодно. На первых порах это воспринималось как расширение даже не прав, а возможностей широких слоев населения.

Дальше выяснилось, что как только эта сфера стала значимой, государства её в разной степени начинают контролировать: с одной стороны, условный Китай, с другой стороны, условные США. Где вроде бы технические сотрудники соцсети могут кардинально блокировать, менять мнения, показывая то, что им нужно.

Можно писать все, что хочешь, но, во-первых, тебя могут заблокировать, если ты написал то, что не ложится в рамки консенсуса (который вообще непонятно кем определен, не обществом точно). Понятие общественного мнения, соответственно, дико искажается, потому что общественное мнение – это то, что ты видишь в соцсетях. При этом есть техническая возможность показывать тебе «правильное» общественное мнение.

Первое – тебя могут заблокировать, второе – твоим мнением манипулируют, даже на техническом уровне. И опять это смыкается с вопросом трамповских выборов. Его удаление из «Твиттера» – это, конечно, один из самых значимых событий-маркеров.

Этот кризис американской демократической модели, которая претендует на глобальность, считаете ли Вы, что и простые люди осознали её недостатки? Мы помним, как по миру накануне ковида прокатилась волна протестов, связанных с претензиями общества к своим элитам.

Отрыв элит, конечно же, осознан как факт широкими слоями в огромном числе стран, в том числе демократических. Новая антиистеблишментная волна – это, конечно, важнейший тренд.

Например, во Франции побеждает Макрон. Ломается фактически трехпартийная политическая система: условно правые, условно левые социалисты и условно ультраправые. И дальше все равно ничего не происходит. Дальше все равно «Желтые жилеты». То, что на первом шаге было воспринято как прорыв из такого ограниченного ленточками политического пространства, оказалось пустотой. На самом деле, ничего не поменялось, противоречия нарастают.

Про азиатскую систему что можно сказать, какие тренды там в последнее десятилетие?

Азиатская система – гораздо менее единое понятие, чем западная система. Говоря «Восток», конечно, мы в первую очередь в голове держим Китай (хотя очень-очень разные страны вокруг него, просто они менее медийные, менее политически значимые, про них меньше говорится). Экономический успех Китая, причем как внешний, так и внутренний, например, тот факт, что Китай умудрился перевести огромный процент населения из сельского в городское, всё это, казалось бы, должно было сломить авторитарную, тоталитарную систему власти.

Но благодаря тому, что огромная доля населения на протяжении одного-двух поколений стала жить принципиально богаче, эта система по сравнению с другими показывает свою эффективность. Естественно, культурные и политические установки населения западных стран таковы, что там не приемлют подобный политический режим, культурно, политически не приемлют, есть отчуждение, есть негатив. Те же китайские туристы – не то что сверхпозитивно воспринимаются где-либо в Европе, на таком индивидуальном уровне. Но все равно понимание, что может быть по-другому, мне кажется, присутствует.

Другое дело, что Китай не пытается, в отличие от бесконечных попыток России, играть в Советский Союз или в Америку, то есть в системы, которые пропагандируют другие ценности. Китай этим совершенно не занимается. Они просто захватывают мир. Если бы они пытались заниматься, то, может быть, вообще сильнее было бы изменение геополитической системы мира, западных стран.

Что о России можно сказать? В чем наша специфика по сравнению с общемировыми тенденциями?

С одной стороны, мне кажется, что крах Союза предопределил во многом то, что происходит в мировом масштабе. Когда формировалась новая Россия, в 90-е было ощущение краха, и только у небольшой части – надежды. А потом, на следующем шаге в двухтысячных начался рост. Потом нас опять подкосило, и с тех пор мы не вышли на какую-то траекторию. А мы знаем из разных исследований, что самое страшное – это не снижение доходов, а стагнация после роста. Стагнация или некоторое падение, как у нас.

Россия следует чуть, может, с задержкой относительно тех же трендов: то есть отрыв элит и то, что они у нас не меняются. Президент не меняется, два ключевых министра, что сейчас во главе списка, не меняются уже сколько лет. Партия власти не меняется, более того, все четыре партии госдумовских – 15 лет они уже там, в Госдуме.

Ощущение застоя, но не спокойного застоя, «ах, нет драйва», а застоя со сползанием в деградацию. Но при этом понимание, что элиты все равно жируют, не приводит к бурной реакции, которую мы видим в ряде западных стран. Из-за страха перед 90-ми. Я уверен, что он все равно пока еще влияет крайне сильно.

На людей? Не на элиты, на людей?

Да. Страх перед крахом, перед хаосом.

Второе – на самом деле при всей убогости антизападной пропаганды, во многом на массового зрителя рассчитанной, объективно есть понимание, даже у вполне просвещенной части, что на Западе тоже не то чтобы все прекрасно. Мы это по ковидным мерам видели.

Да, у нас в государстве и на региональном уровне чиновники – абсолютно бредовые, это понятно огромным слоям населения. Когда я зимой проводил фокус-группы в ряде регионов, в том числе по тематике коронавируса, там было: «ну, здорово, конечно, когда ввели локдаун в прошлом апреле, у нас еще ни одного заболевшего в регионе не было, а месяц было вообще сложно жить. А потом, как только у нас начал появляться коронавирус, под голосование за Конституцию, все сняли». И этот негатив по отношению к властям есть.

Кстати, не сказал про мировой тренд, о разочаровании во властях, не способных справиться с реальной угрозой, вызовом. Оно есть, просто пока еще не в полной мере проявилось. Это касается всех западных стран, части восточных, Африки. Элиты власть взяли, а выполнять обязательства не могут. Именно в момент страха, экзистенциального страха, особенно для Запада непривычного, где все расслабились. Да и у нас-то в стране массовой угрозы жизни очень давно не было. А тут она появилась, а власти по факту не справляются. Принимают меры, чтобы что-то предпринять. Делают вид, что они там что-то контролируют.

И в России тоже было видно, что власти не справляются. Много лет власть позиционирует себя как очень патерналистская, а население наше – неразумные дети. А когда в критической ситуации власть начинает принимать бредовые совершенно шаги, то это, конечно, порождает разочарование.

Более того, передовые отряды того, что массами населения воспринимается как часть государства, образование и медицина – из самых пострадавших, скажем так. Есть образ врачей-героев, он присутствует по-прежнему, но вполне уживается с негативом по поводу конкретных проблем. По поводу того, что государство в лице условных участковых врачей не справляется. Выписывает лекарства, которые не помогают. Или еще что-то.

А с учителями – вопрос с дистанционкой прошлого года. Миллионы родителей погрузились в то, что такое дистанционное образование. Им пришлось погрузиться в обучение детей плотно, и они решили, что это бред. Это вызывает у них просто по-человечески дискомфорт.

Поэтому этот тренд, еще один из важнейших мировых и российских, еще не в полной мере сказался. В России есть понимание, что на Западе не мастерски государства справились. Но при этом есть понимание, что и наше государство как-то не очень умело решает проблемы.

В партийной активности что изменилось за последние десять лет?

Во-первых, примерно за десять лет произошло радикальное снижение веры в возможность действовать как-то, кроме как через элитные договоренности, скажем так. То есть политическое стало однозначно доминировать электорально. Если ты не хочешь в нишу внесистемной оппозиции, в которую мало кто хочет, а хочешь чего-то добиться, то ты должен договариваться.

Десять лет назад это было уже более или менее понятно, после 2011 года. Апофеозом были договорные выборы 2016 года в Госдуму, с разделением округов и так далее. Кто себе что-то выторговал, тот примерно то и получил.

Система давала сбой. На губернаторских выборах мы увидели, когда Фургал между первым и вторым туром прямо говорил: «Я готов идти в команду, быть замом и так далее», и его все

равно избрали. Это прямо такой яркий показатель того, что происходит с нашей избирательной системой.

Плюс меняется поколение. Не сказать, что оно очень бодрое, оно склонно скорее высказываться и искать себя, чем что-то менять. Но это даже не конфликт поколений. Очевидно, что в голове у этих людей страх перед 90-ми совершенно отсутствует, потому что они 2000-х годов рождения. Они более эгоистичные, поэтому даже от них можно ждать неких сюрпризов в электоральном поведении, даже если не в этом сентябре, так через несколько лет. Следующее поколение, по логике, будет еще более свободномыслящим, поэтому понять те конструкты, которые старшее поколение (неважно, пропагандистов или родителей) им внушает, оно будет вообще не готово.

А что можно сказать вообще в целом про электоральное поведение граждан? Нельзя ли сказать сегодня, что оно абсолютно предсказуемо?

Понижается доверие выборам. Горячо поддерживающих очень мало. Это, прежде всего, пенсионное поколение. Да, есть какая-то часть молодежи, которая из патриотических соображений поддерживает текущую власть, но суммарно это довольно ограниченный процент. Это 25–30 процентов.

Вопрос в том, что для почти любого, думающего как-то по-другому, я не говорю, что жестко оппозиционного, человека, для него изменилась реальность за 10-15-20 лет. «Можно ли что-то поменять на выборах? Скорее всего, нет». Соответственно, если нельзя ничего поменять, зачем на них ходить?

При крайне большом напряжении политических и пропагандистских усилий выдается результат на критических точках. Был еще вопрос Крыма, который, конечно, на какое-то время поменял базовую траекторию. Если бы не было Крыма, мне кажется, что выборы 2016 года прошли бы уже совсем по-другому. Крым вернул какие-то предыдущие уровни. А дальше опять – постепенное затухание эффекта.

И мы видим снижение не просто электоральной активности, это следствие. Исчезает вера в возможность на что-то повлиять своим голосованием. Но достаточно высока вероятность, что какие-то триггерные точки вызовут возмущение. Потому что второго Крыма не существует. Никакая Белоруссия, ни тем более Приднестровье, не знаю, какие-то там кавказские, восточные окраины близко не могут стать таким фактором. Любое неоднозначное приращение территории не вызовет такого позитива. Зато точно у огромной доли людей вызовет серьезный негатив, попросту страх.

Если говорить про идеологию, что-то сохранилось вообще от этого? Ценности? Вообще есть ли смысл сейчас политическое поле в стране делить по идеологическому принципу? Если да, то по какому?

Описывать, естественно, можно политические установки с точки зрения ценностей. Тут вопрос поколений. Поколение, для которого эгоистические цели важнее, чем коллективистские, его доля становится все больше. Это первое.

Второе – если переходить к факторам, определяющим политическое поведение и роль идеологии в них, то на самом деле при попытках имитации государственной идеологии политическое пространство силами госпропаганды выстраивалось по одному фактору: Путин – не Путин. Если не Путин, то кто? Консолидированные усилия власти и несистемной оппозиции приводили к этому.

Проблема всей парламентской оппозиции заключается в этой базовой шкале, которая критична для большинства населения, и еще раз подчеркну, которая навязывалась, вдалбливалась как ключевой фактор выбора и пропагандой государственной, и несистемной оппозицией.

Количество «идеологических» голосов за КПРФ снижалось не очень значительно 10-15 лет, а количество идеологически мотивированных голосов за ЛДПР и за СР снижалось очень серьезно. То есть там идеологического ядра остался минимум.

Сколько сейчас у КПРФ рейтинг? Ну, 11 процентов. Но если 10 лет назад из рейтинга 14 процентов больше половины электората коммунистов, хотя бы в оправдание своего выбора, говорили что-то про социальные гарантии, то сейчас – да, рейтинг снизился на 3 процента, но от него идеологическая часть составляет не то что половину или две трети, а одну четверть. Потому что никто не верит, что они придут к власти. Я на фокус-группах, изучая мотивировку и логику электорального выбора, очень хорошо вижу. Идеологического там минимум.

Логика – за «наименее неприятного». То есть если я не за «Единую Россию» и если решусь-таки идти голосовать, в чем нет смысла, то как бы мне выбрать наименее неприятную партию? 30 лет мы пели вам эту песню и теперь решили спеть еще раз. Там Геннадий Андреевич во главе списка? Тем более. Как ни странно, напряг политической системы, я думаю, по поводу Грудина связан, конечно, не с его потрясающей харизмой, это я сейчас с иронией говорю, а с тем, что реальный человек, при всех вопросах к нему, другой, новый человек все равно как-то возродил отношение к КПРФ как к субъекту.

Сигнальная логика голосования. Дальше уже есть какие-то содержательные мотивы. «Я хочу, чтобы медицина была лучше, чтобы она была бесплатная. А КПРФ говорят про бесплатную медицину». Но идеологии там, конечно, никакой нет. И в целом пока веры в идеологию у населения тоже нет, то есть это такая иррациональная сигнальная логика выбора альтернативы.

Тогда вообще на чем в принципе строятся запросы населения к партиям? Ведь, по сути, этот тезис о том, что ни одна другая партия не сможет победить и прийти к власти, он же ко всем партиям относится, кроме «Единой России», не только к КПРФ. В чем тогда логика голосования?

Во-первых, это все-таки некое право – право голосовать.

Привычка?

Нет. На парламентских выборах государство скорее заинтересовано в умеренной явке, потому что это позволяет «Единой России» избираться. Тем не менее у огромного числа населения есть вот это ощущение, что «мы что-то можем, нас в кои-то веки готовы услышать. Если мы не используем это право...»

А рационального ответа, что за этим правом следует, не особо видно. Это такая надежда: «А вдруг!» Хотя она истончается у людей.

Если говорить вообще о самих партиях, они подстраиваются под эти запросы избирателей? Есть мнение, что, во-первых, вообще вся политическая система стала технологичная и далекая от политики, а во-вторых, в последнее время даже новые партии встают на рельсы технологий, а не политики.

Совершенно согласен. В этом смысле КПРФ чуть ли не единственная структура, у которой есть некий дух, несмотря на то, что начнешь каждый регион перебирать – вроде рассыпается эта логика, но общий все равно дух, внутренний, структуры, которая про другое, немножко есть. А так-то, конечно, СР прежде всего, да и ЛДПР во многом, и более новые партии, они используют, я бы так сказал, маркетинговый подход.

Не просто совсем убого: «давайте опросим избирателей, что их волнует, и будем говорить, что решим эту проблему», а рекламный, более правильно – рекламно-маркетинговый подход: «как нам произвести впечатление, что голосование за нас – это такой-то сигнал власти». То есть «не как убедить население, что мы хотим прийти к власти», а «как сделать так, чтобы население, исходя именно из этой сигнальной логики, за нас проголосовало».

Вот был негатив к правительству Медведева. А давайте мы кампанию «Справедливой России» построим на логике «правительство Медведева в отставку». Собственно, все. Это в 2016 году было. А в 2011 году – общий негатив против «Единой России» настолько зашкаливал, и так хорошо зашла логика «голосуй за любую партию, кроме...», что «давайте станем этим "кроме"».

Но при этом, естественно, все политики настолько приняли правила игры, что политикой не занимаются в серьезном смысле. И очень сложно их в этом обвинять, потому что последствия для большинства структур кажутся неприемлемыми. По «Яблоку» мы видим, которое, кроме своего специфического генезиса, психологии реального лидера, Явлинского, в общем то же: хотите где-то что-то, вот вам рамки. И идти на риск?

Они все выступают за стабильность политической системы, что напрямую противоречит логике борьбы за реальную власть. То есть отрабатывают ниши, а не борются за власть. И более того, даже постепенно логика какого-то пропорционального представительства меняется, становится маркетинговой.

Была логика: «Есть какой-то кусок населения, мы олицетворяем его интересы, мы представляем их во власти». А сейчас, скорее, вектор логики, рассуждений ровно противоположный: «Мы с властью договоримся, что отрабатываем вот эту тему, этот электорат». А люди это вполне чувствуют. Поэтому партия для них – это такой медиум по общению с властью, а не реальная презентация их интересов.

Где сходятся траектории запроса на обновление политической системы и запроса на новую партию?

Если измерять большими циклами, в 2011 году была некая разбалансировка, и для очень узкой категории населения забрезжил шанс, а для элиты забрезжил риск. И после этого всех стали еще сильнее отстраивать. Апофеозом стал тот самый «крымский консенсус» и выборы 2016 года, они окончательно погубили восприятие именно партийной системы. Те же губернаторские выборы: персональный негатив более выраженный, потому что он более значим, такой, что любой ценой «прокатить»: «Берем любого, лишь бы не этот».

А период после Крыма – это консолидированное голосование по куче важнейших моментов. И закон Димы Яковлева, хотя, по-моему, он был чуть раньше. По всем важным вопросам обязательно показывать, что все за. И даже повышение пенсионного возраста, про которое КПРФ пытается говорить, что «мы-то были не за», но все равно политически выступить против так или иначе они не решились. Понятно, что была система убеждения, чтобы они не решились, но тем не менее. Они субъектность свою политическую окончательно этим подкосили.

Так где пространство для этой новой партии?

В текущую логику ничего, кроме относительно нишевых партий, в общем невозможно встроить.

С другой стороны, проблема стратегической системы, если элитой называть не 20 человек, а 100 тысяч человек, проблема стратегической системы элиты заключается в том, что если форточки не открыть, то в какой-то момент возникнет опрокидывающее голосование. В этом сентябре вряд ли, а через какое-то количество времени возникнет. Система может переварить только ограниченный объем опрокидывающего голосования.

Когда 3 из 21 губернатора проиграли – это одна история, а если представить, что 10 из 20, то система может посыпаться. И все боятся, что она посыплется, и, соответственно, еще больше пытаются удерживать систему, прикрывая даже эти форточки. Но сейчас объективно оказаться в бюллетене на выборах, нарушив эти правила игры, почти невозможно.

Вот пример «Партии пенсионеров», у которой относительно высокий рейтинг и которая играет по правилам вообще на всех уровнях.

Вы говорите про совершенно бессубъектную структуру. Нет там вот этого субъекта, который может взять и что-то решить: «А давайте попробуем пройти». Люди проголосуют или так, или так. Прямо фальсифицировать протоколы никто не вздумает, чтобы «не дай бог они не набрали свои шесть процентов». Но при этом они и делать ничего не будут, чтобы преодолеть, чтобы нарастить рейтинг. Это нужно вкладывать большие деньги в кампанию, а кто их даст? Никто не даст.

Даже особо не будут выпрашивать, не будут пытаться искать, поскольку с Михаила Борисовича Ходорковского, с 2003 года всем показательно, что несогласованные деньги на выборы тратить нельзя. Поэтому они и решения такого не примут, что «а давайте сейчас проведем суперактивную кампанию».

Другое решение, которое может привести к какому-то скачку, которое может дать прохождение, это «давайте начнем политически действовать». Это типа вопреки правилам. Тоже так не решат.

Все, что может произойти, это при некоем объеме медийной кампании вдруг люди решат: мы не за «Единую Россию», а эти «за все хорошее», и уж лучше неизвестно кто «за все хорошее», чем старые партии. В этой номинации, в общем-то, фигурируют две структуры: «Новые люди» и «Партия пенсионеров».

Что можно сказать о будущем политическом пространстве? Как Вы видите его трансформацию? Или не трансформацию, а консервацию?

На глобальном уровне, я считаю, что есть вероятность определенной динамики в сентябре. Может измениться состав партий в Госдуме, и дальше не идеально прогнозируемо, как отреагирует система. Понятно, что прохождение любой пятой партии, неважно какой, – это сигнал: ну вот, значит, технологический проект, это специально так сделали. Это интерпретация базовая. Дальше, в зависимости от того, что будет происходить с этим проектом: раз, развилка, пройдет, не пройдет кто-то новый? Либо, гипотетически, вылетит старый.

У нас СР или кто-то еще может вылететь. На это есть не супершансы сейчас, что кто-то вылетит, но вдруг. Скорее, что кто-то пятый пройдет. Все воспримут спокойно, а дальше вопрос: а какие действия будут осуществлять те, кто получит мандат. И не факт, что, пройдя в Госдуму, мы можем начать заниматься настоящей политикой. Некое обновление, хотели получить – пожалуйста, глобально ничего не поменялось.

Второй момент связан, конечно, с кадровым составом старых партий. Мы видим реформу «Справедливой России», объединение, изменение состава лиц. Чувствуется, что Зюганов и Жириновский не настолько тянут, как десять лет назад. Тот же Жириновский на дебатах, конечно, по-прежнему яркая фигура, но ему уже тяжелее себя завести в этот публичный раж. Есть у него такой жест, прихлопывание локтями по крыльям пиджака. Сейчас ему труднее.

И если они уходят, то это вообще запускает процесс переформатирования всей системы, который, конечно же, будет осуществляться под кураторством, по договоренностям, но с определенными разбалансировками. И если будет попытка поставить прямо технократов, условно, как с губернаторами это было, с высокой степенью вероятности эта затея провалится.

Скорее всего, будет попытка найти политически полностью подконтрольные, понятные фигуры, но которые могут быть говорящими головами. Дальше будет попытка ряда лиц лоббировать объединение каких-то партий. Но в логику «а давайте все упростим, сделаем двухпартийную систему» я категорически не верю. Я считаю, что системе достаточно осознания, что все, что может пока угрожать ей – это раскол элит.

Двухпартийная система – это прямой путь к расколу элит. У нас никто не поверит в гарантии власти и собственности при том, что две партии между собой грызутся. У нас историческая память такая, что никто не поверит, эти партии будут биться насмерть.

Никто не поверит во что?

В возможность ограничить рамки политической борьбы двухпартийной системой, соответственно, это будет расхождение.

А это нельзя отбалансировать? Как сейчас балансируется.

А кто? У нас вся логика в том, что «а кто?». Админресурс неделим, монотеистичность нашего политического сознания выстроена так, что есть верховная орбита. То есть играть можно, но на федеральном уровне две партии неминуемо начнут биться более серьезно.

То есть технократический вариант модернизации системы невозможен.

Нет, мой прогноз, что будет технократическая модернизация партийной системы. Но решение не принято однозначно. В любом случае реализация такого проекта не будет простой, но с учетом крайне высокой доли вероятности ухода лидеров, задумкой текущего политического менеджмента выглядит постепенное объединение каких-то структур.

Я считаю, что идея быстро форсировать партийную систему крайне негативно скажется не только на политическом режиме, но и на стране в целом, потому что приведет к элитной войне, к расколу. Я не уверен, что кто-то правда будет пытаться реализовать вариант двухпартийной системы.

А населению эта модернизация будет интересна?

На удивление, что интересно, логика обновления и объединения «Справедливой России», не идеологического, а реального обновления плюс объединения, вызвала значительный рост их рейтингов, который пока еще держится. Я именно по фокус-группам знаю, что вопрос не в том, что «они были какими-то непонятными социал-демократами, а теперь они за правду, патриоты и вообще», это в меньшей степени. А просто факт объединения.

О «Патриотах России» по регионам вообще никто ничего не говорит. Фамилия Семигин никому ни о чем не говорит. Прилепин как бы фигура, потому что он медийный, но вряд ли персона такая, что собирает много сторонников. Что-то он привел на личном бренде, но заметная часть – это про обновление и объединение.

Поэтому, конечно, какие-то проекты вызовут интерес. Я так же говорил про Грудина, например, что вот реальный, живой человек пришёл. Правда, не сильно вроде это на рейтингах сказало, но воодушевление избирателей было – вот это поразило.

Для меня всегда вопрос – что за этим стоит. Когда люди говорят, что «да, я за эту партию», что это значит? Например, рейтинг Путина изменился не сильно, но эмоциональная нагруженность поддержки Путина изменилась категорически. Сверхсильно упала. То же самое во многом с «Единой Россией». Ее рейтинг, правда, ощутимо упал, и, допустим, антирейтинг тоже стал более эмоционально нагруженным. И это всегда важно учитывать для каких-либо прогнозов.

Потому что одно дело – реакция на стимул в виде списка партий, и другое дело – что за этим стоит. «Ну не знаю всех этих, ну за эту». Отвлеченно и апатично. Это один рейтинг, по сути, его

можно взять и превратить в «около нуля» очень быстро. А если за этим стоит эмоция, то это очень важно. И то же самое с антирейтингом.

Я считаю, плохо, что как раз некоторая излишняя технократичность подхода не учитывает, что стоит за этими формальными цифрами в рейтингах и антирейтингах.

Спасибо.